...Социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс

В. И. Ленин

ДИАЛОГ

№ 2 январь 1990

Общественно-политический журнал Центрального Комитета КПСС

Издается с января 1990 года
Выходит один раз в 20 дней

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Д. ПОПОВ
(главный редактор)
А. Н. АНТОНОВ
В. И. ВЬЮНИЦКИЙ
А. Я. ДЕГТЯРЕВ
Н. Я. КЛЕПАЧ
Э. Ф. МАКАРЕВИЧ
Н. Ф. ОЛЕЙНИКОВ
Р. П. ФЕДОРОВ
И. И. ЦЫБУЛЬСКИЙ
В. Н. ШОСТАКОВСКИЙ

Технический редактор
С. И. Суровцева

ОБЛОЖКА, страницы:
1-я — фото В. Соколова;
2-я и 3-я — Фотохроника ТАСС;
4-я — плакат М. Сидоровой, Л. Каушанского.
Издательство «Плакат».

Адрес редакции:
125800 ГСП, Москва,
Миусская площадь, 6.

Сдано в набор 23.01.90.
Подписано к печати 07.02.90.
А 00222.
Формат 70×108¹/₁₆.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 9,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Учетно-изд. л. 13,58.
Тираж 1 768 000.
1-й завод: 1 — 497 927
Заказ № 1848
Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В НОМЕРЕ

ПРЯМАЯ РЕЧЬ (2, 47, 52)

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ. Н. ПИЩУЛИН, С. СОКОЛ. Что думаем о политике и наших лидерах? (4)

СОЦИАЛИЗМ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ. В. СИРОТКИН. Судьба идеи (9). А. БУЗГАЛИН, А. КОЛГАНОВ. К социализму — с надеждой (20)

ПАРТИЯ И ОБЩЕСТВО. Плюрализм мнений или политический плюрализм. Нужна ли нам многопартийность? Дискуссия на Московском станкостроительном заводе им. С. Орджоникидзе (30).
Устав для партии или партия для Устава? — с ректором МВПШ, профессором В. Н. ШОСТАКОВСКИМ и профессором МВПШ В. И. ЖУКОВЫМ беседует журналист В. САЗОНОВ (40)

ОСОБОЕ МНЕНИЕ. С. СТАНКЕВИЧ. Назад, к тоталитаризму? (48)

ЗЛОБА ДНЯ. Жизнь по талонам. Дефицит — по твердой цене? Талонная ловушка. От кривой палки прямой тени не будет. Ставка на интерес (53)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА. Л. СЕМИНА. По законам гражданского времени (64)

ЭПОХА: СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА. О. ЗНАМЕНСКИЙ. Революция и Учредительное собрание (73)

ОРИЕНТИР: ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ
НАШ СЕМИНАР. А. ВАХРАМЕЕВ. Страны социализма: пора перемен (81)

СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ. М. УСИЕВИЧ, А. ПОЛЯКОВ, Б. РОДИОНОВ. Венгрия: политический кроссворд (87)

ВАШ ВОПРОС. Ю. КНЯЗЕВ, Л. ТЯГУНЕНКО. О чем говорит опыт Югославии? (95)

МЫСЛИ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ. Ч. ГУСЕЙНОВ — В. НЕДОШИВИН. Культура твоя и моя... (98)

РЕПЛИКА. Где же аргументы и факты? (104)

БИБЛИОТЕКА Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

© Издательство ЦК КПСС «Правда». «Диалог». 1990.

Размышления о ленинской концепции движения к социализму

В. СИРОТКИН

СУДЬБА ИДЕИ

ТУПИКИ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

Почти хрестоматийным стало утверждение, будто режим «военного коммунизма» был навязан большевикам гражданской войной и иностранной интервенцией. Но это лишь часть правды, ибо первые декреты Совнаркома и постановления ВСНХ о введении в Советской России «социалистического идеала» (точно «по Марксу» и в соответствии с партийным гимном «Интернационал» — «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...») были опубликованы 27 декабря 1917 года (о национализации банков) и 5 февраля 1918 г. (торгового флота), то есть до начала гражданской войны, а последний (об обобществлении предприятий промышленности, имевших до 5—10 наемных рабочих) — 29 ноября 1920 г. — уже после заключения мира с Польшей и изгнания Врангеля из Крыма.

Все эти «коммунистические декреты» как бы дополняли декреты Совнаркома о повсеместной отмене всех видов частной собственности. Эту же линию продолжала фактическая отмена Декрета о земле, обеспечивше-

СИРОТКИН Владлен Георгиевич — доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД СССР.

го большевикам поддержку солдат и многомиллионного крестьянства, и замена его законом ВЦИК «О социализации земли» от 9 февраля 1918 г. Последний по существу делал землю бесхозной, объявив, что она «переходит в пользование всего трудового народа», а главное — ничего не говорил о формах землепользования, тогда как в «эсеровском» декрете от 26 октября 1917 г. четко указывалось: «Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, *подворная, хуторская, общинная,* артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках».

Смысл этого умолчания раскрыл второй земельный декрет ВЦИК от 14 февраля 1919 г. — «О социалистическом землеустройстве и о методах перехода к социалистическому земледелию». Он-то и стал через 10 лет юридической основой сталинской «сплошной коллективизации», ибо подчеркивал: «Вся земля в пределах РСФСР, в чьем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом», которым распоряжаются не крестьяне, а правительство в лице Наркомзема. *Главной формой землепользования* объявлялись «крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли...», а единоличное землепользование характеризовалось как «преходящее и отживающее».

Декрет от 14 февраля 1919 г. нацеливал на превращение всего сельского хозяйства России в единую агрофабрику. Центральной фигурой аграрного сектора становился не традиционный крестьянин-единоличник, а сельхозрабочий, которому запрещалось *иметь приусадебный участок,* скот, птицу, даже собак, зато был обещан 8-часовой рабочий день (все это много лет спустя попытался воспроизвести в своей аграрной политике Н. С. Хрущев). Руководство совхозами и коммунами «с целью перехода к коммунистическому земледелию» передавалось земотделам (в наши дни это по сути — РАПО), ими же определялись сельхоззадания-планы, а чтобы у «коммунистических аграриев» не возникало колебаний в исполнении директив органов пролетарской диктатуры, декретом Совнаркома от 28 августа 1919 г. в каждый совхоз назначался политкомиссар-уполномоченный.

Во всей этой политике большевиков в городе и деревне была своя логика — логика начавшейся, как им казалось, всемирной пролетарской революции, для которой Россия стала первым плацдармом. Заклеймив вышедших из ЦК РСДРП(б) Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, А. И. Рыкова, В. П. Милютина, В. П. Ногина как «штрейкбрехеров», которые не верили в близкое начало европейской пролетарской революции и потому настаивали на создании «однородного социалистического правительства» в блоке с меньшевиками и эсерами, *В. И. Ленин говорил: «Слизняки,* беспринципные: то с нами, то с меньшевиками. Они говорят, что мы одни не удержим власти и пр. Но мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать. Теперь возможна только социалистическая революция...».

Уверенность в скором начале европейской пролетарской революции *была тогда всеобщей, и Ленин* разделял ее. В третью годовщину Великого Октября в Москве он говорил: «...мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию» (Полн. собр. соч., т. 42, с. 1).

Однако к концу 1920 г. Ленин понял, что решить лобовой атакой гибель капитализма не удалось. Выяснилось и другое: осуществление «социалистического идеала» по Марксу — национализация всей экономики, *банков, слом старого* государственного аппарата и т. д. — не привело к подъему экономики, развитию самоуправленческих начал, усвоению социалистической идеологии не только крестьянами, но даже рабочими.

Введенная в октябре 1917 г. система рабочего контроля и даже переход управления на ряде национализированных предприятий в руки рабочих себя не оправдали: фабзавкомы не подчинялись главкам ВСНХ, производили *не то, что нужно* (например, сапоги для Красной Армии), а то, что легче было сбыть на черном рынке (зажигалки, иголки и т. п.). Экономика начала разваливаться.

Оказалось, что только «разума и воли» пролетариата недостаточно для того, чтобы самим управлять производством. И уже 16 февраля 1918 г. *Совнарком РСФСР запрещает* фабзавкомам самовольную национализацию, а 28 июня многие средние предприятия возвращаются «в безвозмездное арендное пользование прежним владельцам». Поскольку желающих откликнуться на декрет от

28 июня оказалось крайне мало, с 1919 г. бывших владельцев и управляющих стали в порядке трудовой повинности, как «спецов», направлять на их прежние фабрики и заводы по мандатам Совнаркома.

Но самым большим минусом введения «социализма сверху» стало резкое падение производительности труда в промышленности и рост числа всевозможных контролеров за использованием «общенародной собственности». Бывший член ЦК РСДРП (меньшевиков - интернационалистов) А. Мартынов-Пикер вспоминал в 1923 г. типичную картину тех лет: «В то время, как заводская труба переставала дымиться, как работа в заводских корпусах и мастерских замирала, работа в заводской конторе, напротив, все больше и больше оживлялась и увеличивалась. Старые заводские служащие говорили, что никогда еще заводские бухгалтера и конторщики так много не потели над бумагами... Они заполняли бесчисленные анкеты для учета по требованию разных центров — Подолсахар, Главсахар, Райсахар и т. д.».

Ставка на ликвидацию товарно-денежных отношений привела к переходу на «талонную» систему натуроплаты (Ю. Ларин предложил даже проект декрета об официальной отмене денег в Советской России). 30 апреля 1920 г. Третий Всероссийский съезд профсоюзов уже объявил о переходе на «пайковую» зарплату по карточкам и категориям. Еще раньше была отменена плата за квартиру, коммунальные услуги, проезд в общественном транспорте, ввели «пайковое» снабжение одеждой, обувью и бельем.

Для определенных категорий малоквалифицированных рабочих и служащих такой «первобытный коммунизм» был благом. Но квалифицированные рабочие потеряли всякий интерес к труду и в массе своей (до 50%) подались в деревню, где легче было прожить. Для остальных зарплата превратилась в разновидность второго социального пособия (первое они получали автоматически, как опора диктатуры пролетариата).

В итоге численность и квалификация рабочего класса падали, зато как на дрожжах росло число служащих. И не случайно после введения нэпа в первом миллионе безработных (на 1 января 1924 г.) оказалось 750 тысяч конторских служащих.

ПЕРЕМЕНА ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА СОЦИАЛИЗМ

Результаты политики «военного коммунизма» в экономике оказались катастрофическими: к началу нэпа страна давала всего 2% довоенного (1913 г.) производства чугуна, 3% сахара, 5—6% хлопчатобумажных тканей и т. д. Попытка введения «коммунизма сверху» привела к разрыву города и деревни, распылению рабочего класса, вооруженному сопротивлению крестьянства. Теоретическая марксистская мысль в революционной Советской России мучительно искала причины провала проведенного «строго по Марксу» обобществления частной собственности и передачи ее в руки народа. Элементы этого поиска видны уже в статье В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» (концепция госкапитализма), а его результатом стала ленинская «коренная перемена всей точки зрения нашей на социализм». Выступая 5 июля 1921 года на Третьем конгрессе Коминтерна, Владимир Ильич значительно расширил и углубил выводы своего доклада на X съезде РКП(б) о продналоге. «Свобода торговли, — говорил он, — означает свободу капитализма, но вместе с тем новую его форму. Это значит, что мы, до известной степени, заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто. Это — государственный капитализм. Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве — это два различных понятия» (т. 44, с. 48).

Итак, не «ломать» капитализм, а «оживлять» его. Это было ново и неожиданно. И вновь, как в апреле 1917 г., Ильича не поняли даже его ближайшие соратники. Против ленинской теории госкапитализма (государственного регулирования социально-экономических отношений на основе рыночных связей и многоукладности) сначала выступил Н. И. Бухарин, а на XI съезде РКП(б) в марте — апреле 1922 г. — Е. А. Преображенский, В. В. Осинский (Оболенский) и Ю. Ларин. Забегая вперед, скажем, что многие сподвижники Ленина в конце 20-х гг. поверили, что, ликвидируя нэп, Сталин возвращает их к Марксу, и это стало одной из причин их трагедии, трагедии всей страны.

«Психологическая перестройка» в партии в те годы, как и сегодня, проходила очень трудно. Было немало случаев выхода из РКП(б) и даже самоубийств несогласных с нэпом — «революция погибла»... Первые годы нэпа вызвали и массовые забастовки рабочих — далеко не все (особенно чернорабочие) приняли переход от «пайковой» системы с «выводиловкой» на валютную, «рублевую» зарплату по реальному труду. Особенно много стачек было в 1922 г. — 538 (около 200 тыс. забастовщиков) и в 1923-м — 516 (170 тыс. забастовщиков). С введением «полного» (т. е. валютного) рубля, которым с 1924 г. стала целиком выплачиваться зарплата, их число резко пошло на убыль — 267 забастовок (50 тыс. чел.) в 1924 г. и 41 забастовка (20 тыс. чел.) в 1925 г.

ПОСЛЕ ВВЕДЕНИЯ НЭПА В ПЕРВОМ МИЛЛИОНЕ БЕЗРАБОТНЫХ ОКАЗАЛОСЬ 750 ТЫСЯЧ КОНТОРСКИХ СЛУЖАЩИХ.

Снижению социальной напряженности способствовало и введение 15 ноября 1922 г. второго Кодекса законов о труде. Была восстановлена существовавшая в России с 1912 г. система социального страхования для работающих по найму во всех видах экономики — государственной, кооперативной и частной. Но в отличие от дореволюционной России и того страхования, которое ныне существует на Западе, страховые фонды полностью формировались за счет работодателя (ВСНХ, кооперативов, частников). Кодексом 1922 г. был введен единый страховой взнос работодателей в пользу наемного трудящегося (сначала 22%, затем 14% от его средней зарплаты).

Опубликованные в 1925 г. данные свидетельствовали о том, что в 1924 г. в Советской России ежемесячные пособия (в «золотых» рублях) по болезни составляли 14 руб. 10 коп., а при родах — 3 руб. 60 коп. Тогда как в Германии 4 руб. 58 коп. и 59 коп., а в дореволюционной России в 1915 г. соответственно 3 руб. 50 коп. и 56 коп. Правда, пособия по безработице (к тому же охватывавшие лишь до $^1/_3$ безработных, преимущественно в городах) и по инвалидности были весьма мизерными.

В итоге, несмотря на все трудности, нэп творил чудеса: еще вчера разоренная, нищая, потрясенная мятежами крестьян и страшным голодом 1921 г. в Поволжье страна к 1924 г. накормила, одела и обула народ, создала стимулы к труду, приблизилась к довоенному (1913 г.) уровню экономики, особенно в сельском хозяйстве.

С введением нэпа прежде всего была отменена всеобщая национализация мелкой и кустарной промышленности. Теперь каждый гражданин Советской России мог открыть кустарное или промышленное производство (кустарь-одиночка с мотором, но не более одного на владельца). Никаких разрешений на это не требовалось: можно было нанимать до 10 рабочих (при моторе) и до 20 (без мотора).

Одновременно были сняты запреты на торговлю. Господство частника в розничной торговле сразу стало преобладающим — 83% в городе, а в деревне — почти все 100%. Откуда что взялось — рынки в городах моментально были завалены продуктами, открылись всевозможные чайные, портерные, рестораны, магазины ломились от всевозможной снеди. Большинство крупных оптовых сделок частники заключали на биржах, которых уже к 1923 г. насчитывалось в стране 54 (самой крупной была московская).

Этот во многом еще стихийный нэп нуждался в регулировании, или, как писал Ленин в ноябре 1921 г., в «реформистском» подходе.

Но для государственного регулирования товарно-рыночных отношений нужен был рычаг. Им стал твердый, обеспеченный золотом рубль. В 1922—1924 гг., следуя ленинскому указанию — «торговлю поднять, *налоги увеличить и собрать*, рубль восстанавливать», — член ЦК РКП(б), назначенный в ноябре 1922 г. наркомфином Г. Я. Сокольников осуществил сложнейшую финансовую реформу, опыт которой до сих пор изучается в школах бизнеса на Западе.

В основе реформы лежала идея параллельных денег — старых совзнаков и твердых золотых червонцев (соотношение обмена — один червонец на 60 тыс. совзнаков), причем первое время эти «параллельные деньги» были одинаково в ходу. В конце концов червонец полностью вытеснил совзнаки.

К февралю 1924 г. были выпуще-

ны также бумажные «казначейские билеты» достоинством в 5, 3 и 1 рубль, обеспеченные золотом. Была введена гибкая система прямых и косвенных налогов, кредитных операций через банки и сберкассы. Широко практиковались займы: крестьянский выигрышный заем (1924 г.) облигациями по 1, 3 и 5 золотых рублей при 5% годовых, золотой 8-процентный заем (1924 г.) на 100 млн. руб. и т. д. Это была та реальная финансово-экономическая «смычка» города и деревни, которой так не хватало в годы «военного коммунизма».

Как и сегодня, у финансовой реформы было немало противников, выступавших с позиций «идейной чистоты» социализма. Они требовали введения не золотого (это пахнет «капитализмом»), а «товарного» рубля, стоимость которого можно определять произвольно, по коэффициентам, в зависимости от интересов классовой борьбы и мировой революции (этот «товарный» рубль возродил Сталин после 1929 г., и с ним мы живем до сих пор). На XI съезде РКП(б) Сокольников решительно выступил против такого рубля, пророчески заявив: «Если у нас возле Иверской часовни на стене написано: религия — опиум для народа, то я бы предложил возле ВСНХ повесить вывеску: «эмиссия — опиум для народного хозяйства». Не этот ли «опиум» вскормил нашу нынешнюю инфляцию? Ведь сегодня стоимость «товарного» рубля определяется среднепотолочными коэффициентами на товары разных министерств и ведомств, демонстрируя полное бессилие Госбанка и Госкомцен. Поддерживавший Сокольникова Ленин на IV конгрессе Коминтерна прямо назвал «нэповский» рубль стержнем новой послемарксовой модели социализма не только в СССР, но и во всем мире, подчеркнув: «Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль — значит, мы выиграли» (т. 45, с. 283).

Нэп значительно облегчил СССР прорыв экономической блокады, выход на международные рынки, дипломатическое признание. Американское агентство ЮПИ сообщало, что в 1925 г. червонцы котировались на валютных биржах выше любой другой европейской валюты.

Стабильные финансы позволили СССР заметно увеличить внешнеторговый оборот (в 1924—1926 гг. мы были главными экспортерами зерна, масла, льна и других сельскохозяйственных продуктов в Европу) и всерьез поставить перед Западом вопрос о крупных валютных кредитах для покупки промышленного оборудования на индустриализацию. Правда, в кредитах тогда не было такой острой нужды, как, скажем, сейчас, ибо нэп позволил уже к 1924 году накопить 100 млн. инвалютных рублей, создать активный внешнеторговый баланс.

Важнейшей частью новой экономической политики стала управленческая реформа, основанная на разделении партийной, государственной (советской) и хозяйственной (финансово-экономической) властей при децентрализации и широкой автономии предприятий, переведенных на хозяйственный (в рамках госбюджета и твердых цен) и коммерческий (получение прибыли за счет договорно-рыночных цен) расчет. Впрочем, децентрализованными трестами (промышленность) и синдикатами (госторговля) управлять сверху, как прежде, и не требовалось.

Рыночный механизм позволил в короткие сроки восстановить промышленность — уже в 1924 г. доля промышленных товаров в общей продукции страны достигла 27,4% (в 1913 г. она равнялась 37,2%).

Серьезным результатом нэпа стало восстановление численности рабочего класса и, главное, повышение производительности труда. Уже к концу 1923 г. она возросла более чем в 2 раза, составив (в перерасчете на одного рабочего за год) 62,6% довоенной выработки. Но не была ликвидирована безработица. Правда, Сталин именно ликвидацию безработицы ставил себе в заслугу после 1929 года.

Он никогда не упоминал о том, что даже на свое скромное пособие по безработице (27 руб. 56 коп. в месяц) рабочий и служащий при нэпе могли купить два демисезонных пальто, а при полной занятости 1930—1935 гг. и на втрое большую зарплату купить даже еду было негде: все давалось по карточкам или через распределители.

КОГО НЕ УСТРАИВАЛ НЭП?

Одна из дискуссионных проблем сегодня — почему нэп, столь успешно выведший СССР на прочную дорогу «движения к социализму»,

«введенный всерьез и надолго» (Ленин), так скоропалительно кончился на рубеже 20—30 гг., не просуществовав и десятка лет? Выдвигалось немало версий.

ВСЯ СТРАНА ЖИЛА ПО ЗАКОНАМ НЭПА, А ПАРТАППАРАТ — «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА».

Реальная картина, на мой взгляд, была такой. Нэп разделил руководство партии и государства на «доктринеров» (Л. Троцкий, Г. Зиновьев, К. Радек, Д. Рязанов, Ю. Ларин и др.) и «прагматиков» (Н. Бухарин, А. Рыков, Г. Сокольников, Х. Раковский, Л. Красин, Г. Чичерин и др.). Основная борьба в теоретическом плане развернулась между Троцким и Бухариным: куда ведет нэп — к реставрации капитализма или к мировой революции? По сути, эта дискуссия отражала кризис ортодоксального марксизма и явное непонимание ленинской «перемены всей точки зрения... на социализм». Клянясь в верности ленинизму, ни Троцкий, ни Бухарин не смогли понять, что Ленин как диалектик сумел переломить себя и освободиться от доктринальных схем XIX века, тогда как им сделать это не удалось.

После смерти Ленина в СССР сложилась парадоксальная ситуация: реальная жизнь шла своим чередом, нэп делал успехи, а лидеры партии, ее вожди и теоретики спорили о путях дальнейшего развития мировой революции. Где? Главным образом на конгрессах Коминтерна (на пятом — в 1924 г. и шестом — в 1928 г.) и на пленумах ЦК ВКП(б). Сегодня все эти споры сильно смахивают на диспуты средневековых схоластов о количестве чертей на острие иглы. Но за ними тем не менее скрывалась и серьезная проблема — уровень способности не только партийной интеллигенции, но и всей партии возглавить нэп как принципиально новый путь к социализму.

Нэп разделил руководство партии и государства по интеллектуальному и культурному признаку. Начался своеобразный естественный отбор, поскольку новая экономическая политика требовала конкретных специальных знаний.

Ревностный сторонник нэповского «движения к социализму» Л. Б. Красин точно уловил суть доктринального спора ортодоксов и прагматиков, в котором подавляющее большинство членов партии играло роль статистов. На одном из пленумов ЦК накануне X съезда партии, совершившего исторический поворот к нэпу, он говорил: «Источником всех бед и неприятностей, которые мы испытываем в настоящее время, является то, что коммунистическая партия на 10 процентов состоит из убежденных идеалистов, готовых умереть за идею, но неспособных жить за нее, и на 90 процентов из бессовестных приспособленцев, вступивших в нее, чтобы получить должность. Бесполезно и безнадежно пытаться убеждать 10 процентов фанатиков в необходимости этой новой экономической политики, поэтому я обращаюсь к остальным 90 процентам и честно предупреждаю: если вы не хотите, чтобы массы русского народа поступили с вами так же, как с царской челядью, отбросьте беспочвенные мечтания и повернитесь лицом к экономическим законам. Как указывает Маркс, доктрина не является началом и концом всего на свете».

Из истории партии хорошо известно, какую бурную полемику вызвало в ней брошенное Л. Троцким обвинение верхушке в «перерождении», в «советском термидоре». Гораздо менее известно отношение В. И. Ленина к нэпу как «пролетарскому термидору». В беседе с французским коммунистом - интернационалистом Жаком Садулем в мае 1921 г. Владимир Ильич сравнил большевиков с рабочими-якобинцами, отметив: «Рабочие-якобинцы более проницательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость сами себя термидоризировать».

Как бы подхватив эту ленинскую мысль, наркоминдел Г. В. Чичерин в ноябре 1921 г. выразился еще более определенно: «Наша внешняя политика есть только выражение новой экономической политики, которая действительно является пролетарским термидором».

«Доктринеры» представлялись Ленину главной помехой на пути к нэпу. Не случайно на XI съезде РКП(б) весной 1922 г. он в сердцах бросил:

«...никакой Маркс и никакие марксисты не могли это (т. е. нэпа. — **В. С.**) предвидеть. И не нужно смотреть назад» (т. 45, с. 117).

Похоже, Ленин не очень верил в то, что «доктринеры» смогут стать реальными проводниками нэпа, потому и сделал ставку на лояльных Советской власти «спецов», ученых с мировыми именами — Кондратьева, Чаянова, Юровского, Вавилова, Павлова и др. Это нашло отражение в «Проекте тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики», опубликованных 17 января 1922 г. в «Правде», где Ленин писал: следует добиться, чтобы «спецам, как особой социальной прослойке... впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном и правовом...» (т. 44, с. 351).

Сегодня многие публицисты видят главную причину сталинщины в том, что соратники Ленина после его смерти не выполнили его совета сместить Сталина с поста генсека. Думается, однако, что главная причина возвышения Сталина и захвата им абсолютной власти в партии и государстве коренится в другом — в кардинальном изменении социального состава самой партии. Ее «тончайший слой, который можно назвать старой партийной гвардией», растворился в массе пришедших из деревни в города «партпризывников» в результате трех «ленинских» (1924, 1925 и 1930 гг.) и одного «октябрьского» (1927 г.) призывов. В итоге, как писал в своем дневнике первый председатель Иваново-Вознесенского Совета 1905 г. беспартийный рабочий А. Е. Ноздрин, в партию лавиной хлынули «людишки, пришедшие к новому делу от биллиарда, а не от станка». В Организационном отчете ЦК XIII съезду партии Сталин вынужден был признать, что в партию идет политически малограмотная масса: «Плохо обстоит дело с политграмотностью членов партии (60% политнеграмотности). Ленинский призыв увеличивает процент неграмотности». И все-таки прием тех, кто не мог понять не только «высшую математику» нэпа, но и «арифметику» марксовой модели социализма, продолжался.

Чем дальше продвигалась страна по пути нэпа, тем больше рос культурный разрыв между фактическими руководителями экономики страны — партийной интеллигенцией и «спецами» — и партией в целом, состоящей в основном из малообразованной массы, набранной по анкетному признаку «рабочих от станка» (при 6-месячном кандидатском стаже). Подготовка собственных «партспецов» только начиналась, и в партии усилиями аппаратчиков во главе со Сталиным, лишенных реальной возможности прямо влиять на рыночную экономику нэпа, росло неприятие ленинской модели социализма.

К тому же в центральном и губкомовских аппаратах сохранился распределительный «талонный» режим. Ссылаясь на то, что партмаксимум (от 125 до 200 руб.) не позволяет работникам аппарата покупать продукты и промтовары на рынке (квалифицированный рабочий, к примеру электромонтер, зарабатывал до 300 руб. в месяц), Сталин добился сохранения для партийной верхушки режима «военного коммунизма»: ее обеспечение шло через Управление делами ЦК ВКП(б) в виде пайков, госдач, санаториев и т. д. Сокольников еще в 1924 г. предлагал отменить партмаксимум и пайки, повысить аппарату жалованье, поставив его в зависимость от эффективности руководства экономикой, но Сталин ограничился повышением партмаксимума для коммунистов, занятых в экономике, до 360 руб.

Таким образом, вся страна жила по законам нэпа, а партаппарат — «военного коммунизма». Аппаратчик (особенно в провинции на уровне уезда) оказался в положении нынешнего советского туриста за границей: прилавки и витрины ломились от изобилия, а валюты («рублей Сокольникова») в кармане — кот наплакал. Можно себе представить, как он ненавидел и мировую, и нэпмановскую буржуазию!

Сейчас стало модным вспоминать сталинское определение партии как своего рода ордена меченосцев. Но мало кто обращает внимание на то, что этот «образ» возник у Сталина в июле 1921 г., то есть с началом крутого поворота к нэпу. Еще реже пишут о том, что эта ультрасектантская концепция «меченосцев»-завоевателей в собственной стране широко поддерживалась рядовой партийной массой. Герои классиков советской литературы — платоновский Пашинцев, хранитель «революционного заповедника» военного коммунизма в

годы нэпа из романа «Чевенгур», и шолоховский Макар Нагульнов из «Поднятой целины» с наганом в одной и русско-английским словарем в другой руке (на случай подъема угнетенных британцами индусов на мировую революцию) взяты авторами из реальной жизни.

В дни борьбы с «новой оппозицией» Г. Зиновьева и Л. Каменева, выступавших под флагом защиты доктрины мировой революции и противодействия «перерождению партии», Бухарин получил письмо от молодого рабочего с требованием немедленной отмены нэпа и объявления революционной войны международному империализму. «Конечно, — писал тот, — нас может ждать и поражение, но без риска до коммунизма не дойдешь — или пан, или пропал». Но что там молодой ленинградский пролетарий, когда в самой верхушке партии, в ее аппарате через полгода после смерти Ленина начался откровенный саботаж основного нэповского лозунга *«учиться торговать»*. Тот же Сталин на XIII съезде сам сказал об этой антинэповской тенденции: «Обычно у нас делят партийную работу на две категории: категорию высшую — это чисто партийная работа в губкомах, обкомах, ячейках, в ЦК, и категорию низшую, называемую «партийной работой» в кавычках, это — работа во всех советских органах, особенно торговых». Не правда ли, и спустя 65 лет эта сентенция звучит весьма актуально! Еще бы, в советских и хозяйственных органах, тем более в торговле, надо уметь считать и отвечать за конкретное дело. А в райкоме или обкоме можно конкретно ни за что не отвечать и руководить районом, областью *или республикой в целом, да еще по* телефону. Понятно, почему слушатели Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова при сообщении, что ЦК намерен десять тысяч партработников передвинуть в торговлю, захохотали. «Не желают торговать!» — рассказывал на XIII съезде РКП(б) Сталин.

Тщетно Бухарин пытался спасти нэп путем совмещения несовместимого. На VI конгрессе Коминтерна летом 1928 г. он включил в «программу мировой революции» и нэп как универсальный путь к социализму, и тезис об обострении классовой борьбы как метод ускорения мировой революции. Но Сталин уже сделал выбор: партаппарат нэпа не хочет, и это нежелание станет опорой для его единоличной власти. А для начала он испортил Бухарину всю «обедню»; делегаты VI конгресса еще только съезжались, а в Москве (18 мая — 6 июля 1928 г.) уже шел первый сфабрикованный процесс о «спецах-вредителях» — «Шахтинское дело», на котором обвиняемые покорно признавали свое участие в *использовании нэпа как ширмы для* саботажа и связей с разведками западных стран, якобы готовивших с их помощью вооруженное вторжение и реставрацию капитализма в СССР.

С 1929 г. начались уже массовые аресты «спецов», а вслед за ними процесс Промпартии. Здесь техническим руководителям нэпа уже приписывали создание массовой антибольшевистской партии из «спецов». Этот процесс был целиком снят на пленку, даже озвучен, что в 1930 г. было большой редкостью, и запущен в кинопрокат. По всей стране развернулась массовая кампания выявления «саботажников» и «вредителей», в разряд которых попадали прежде всего дореволюционные «спецы», а *заодно бывшие меньшевики и эсе*ры, бывшие офицеры — командиры РККА, будущие академики Н. Дру-

СОКОЛЬНИКОВ Г. Я.
(1888—1939)

С 1926 г. заместитель председателя Госплана СССР. С 1928 г. — председатель Нефтесиндиката. С 1929 г. — полпред СССР в Великобритании, с 1935 г. первый заместитель наркома лесной промышленности СССР. Кандидат в члены ЦК партии в 1930—1936 гг. Необоснованно репрессирован. В 1937 г. по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» приговорен к 10 годам тюрьмы. Реабилитирован посмертно.

жинин, С. Сказкин, Д. Лихачев и многие другие. Фактически это было натравливание отсталой массы рабочих-партпризывников на инженеров, техников и ученых, первая проба пера на манер куда более поздней «культурной революции» в Китае.

Важно подчеркнуть, что психологический и экономический демонтаж нэпа, взвинчивание темпов индустриализации и «сплошная» коллективизация проводились под аккомпанемент возрождения лозунгов мировой революции, за «вторую волну» которой Коминтерн принял мировой экономический кризис 1929—1933 гг. И не случайно в 1934 г. были переизданы документы и материалы самого ультралевого II конгресса Коминтерна (июль—август 1920 г.).

И хотя Сталин в 1928—1934 гг. ни в какую мировую революцию, конечно, не верил (о чем 1 марта 1936 г. довольно откровенно сказал американскому журналисту Рою Говарду), он очень умело использовал революционное нетерпение рядовой, политически неискушенной партийной массы, ее неприязнь к нэпу и интеллигенции в целях укрепления режима личной власти.

Очень важная и до сих пор не разработанная проблема — теоретическое осмысление нэпа самими большевиками и использование его опыта за рубежом лидерами развитых капиталистических стран.

В первом случае исключительный интерес представляют материалы IV — «нэповского» — конгресса Коминтерна в 1922 году, стенографический отчет которого на русском языке так и не был напечатан (вышел лишь немецкий перевод). Но даже по опубликованным в 1923 г. «Избранным докладам, речам и резолюциям» этого конгресса видно, как соратники Ленина (его доклад опубликован в 45-м томе Полного собрания сочинений) теоретически осмысливали нэп.

Полнее всего это сделал Н. И. Бухарин. Им впервые было выдвинуто положение о «национальных типах социализма». «До революции, — говорил Бухарин, — мы мыслили себе плановое коллективное хозяйство в общих чертах, не задаваясь конкретизацией. Теперь же, особенно после опыта русской революции, мы видим, что перед нами большой период, характеризуемый различными национальными типами социалистического производства... Мы можем совершенно открыто сказать, что русский социализм, по сравнению с другими, будет выглядеть по-азиатски».

Прямым обвинением командно-административной системы звучит и следующий пассаж из речи «любимца партии»: «Пролетариат не в состоянии единым взмахом организовать все... Беря на себя слишком много, он вынужден создавать колоссальный административный аппарат. Для выполнения экономических функций мелких производителей, мелких крестьян и т. д. ему потребуется слишком много служащих и администраторов. Попытка заменить всех этих мелких деятелей государственными чиновниками... породит такой колоссальный аппарат, что расходы по содержанию его окажутся несравненно значительнее непроизводительных издержек..., в результате вся эта форма управления, весь экономический аппарат пролетарского государства не облегчит, но лишь затруднит развитие производительных сил». Вот, оказывается, еще когда ставился вопрос о ликвидации монополизма государственных хозяйственных ведомств!

Бухарин на этом конгрессе самокритично признал, что его теоретические установки периода «военного коммунизма» 1918—1920 гг., разработанные «строго» по Марксу и Энгельсу, не выдержали проверки практикой. «...Будем говорить откровенно: мы попытались взять на себя организацию всего — даже организацию крестьян и миллионов мелких производителей, — заявил он. — Вот почему был создан такой колоссальный бюрократический аппарат».

Какой же мучительно долгий и трагический путь нам пришлось пройти, чтобы спустя 66 лет сделать аналогичный вывод. «Для Ленина было жестоко мучительно сознавать, что Маркс и Энгельс ошиблись в моделировании нетоварного, безрыночного способа производства, — говорил член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев в своем выступлении на партактиве в Перми 16 декабря 1988 г. — Гипотеза не прошла проверку жизнью, «военный коммунизм» был ошибкой.

УРОКИ НЭПА

Сегодня, с высоты 80-х, можно уже сказать, что ленинская «коренная перемена всей точки зрения нашей на социализм» выходила далеко

за рамки одной только Советской России. Представляется, что это была модель перестройки всей системы экономических и социальных отношений в мире, то есть революция, но не насильственная, а мирная, путем синтеза положительных сторон социализма и капитализма.

В. Вильсон, Ф. Рузвельт (США), Д. Ллойд Джордж (Англия), Э. Эррио (Франция) и другие трезвомыслящие «капитаны капитализма» с 1919 г. искали пути его приспособления к потребностям времени в том же направлении. Все они внимательно изучали опыт нэпа. Английский премьер Д. Ллойд Джордж, например, еще в 1921 г. назвал доклад В. И. Ленина на X съезде РКП(б) «эпохальным», отметив методы регулирования государством социально-экономических отношений как общую модель выхода из послевоенного кризиса. Правда, при этом маститый лорд понял нэп как отказ от коммунизма и непосредственной мировой революции вообще, что позволяло Англии признать Советскую Россию «де-факто». С ним, однако, не согласилась влиятельная лондонская газета «Нейшн», отметившая в редакционном комментарии 2 апреля 1921 г.: «Ленин умеет делать временные уступки и отбрасывает одну меру, когда видит другую лучше. Но в общем, как мы его понимаем, он неуклонно преследует все ту же свою главную цель организации всей русской страны на принципах коллективного производства... Если Ленину удастся получить машины и в особенности если он осуществит свой грандиозный план электрификации России, то он в несколько лет превратит отсталых мужиков-индивидуалистов в социалистов».

Очень важно отметить и другое: «капитаны» мирового капитала после Октябрьской революции и первой мировой войны сделали свои выводы из мировой военной, экономической и социальной катастрофы 1914—1918 гг. и с 1919 г. встали на путь социальных уступок широким слоям трудящихся и политических реформ (предоставление избирательных прав женщинам, расширение прав профсоюзов, введение 8-часового рабочего дня, пособий инвалидам и ветеранам мировой войны и т. д.

Буржуазный реформизм становится доминирующей стратегической линией в ведущих капиталистических странах в 20—30-е гг., и, хотя он не разрешал противоречий капитализма в принципе, в борьбе за влияние на рабочий класс (с Коминтерном) этот реформизм переносил центр тяжести из сферы политической в сферу социально-экономическую. Это заметил В. И. Ленин, отмечавший в своих последних статьях, что эти уступки рабочему классу «самых старых государств Запада» «оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира» (т. 45, с. 402).

«НЭПОВСКАЯ» ЛИНИЯ ОКАЗАЛАСЬ ДЛЯ ЗАПАДНОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТАРНОГО КАПИТАЛИЗМА СПАСИТЕЛЬНОЙ

Ленин не успел продолжить этот анализ, но определил главное — отныне историческое соревнование капитализма и социализма переносится в сферу социально-экономическую, сферу производительности труда.

Характерно, что в то время как Сталин отрекается от модели нэпа, наиболее дальновидные политики Запада, наоборот, берут на вооружение методы регулирования социальных отношений в условиях рыночной экономики. Это особенно наглядно проявилось в условиях жесточайшего экономического кризиса 1929—1933 гг. в США и Франции, где крайне обострились классовые столкновения труда и капитала. Многое из механизма государственного регулирования было использовано в «новом курсе» президента США Ф. Рузвельта, а также в реформистской (но и антифашистской) политике Народного фронта Франции, инициаторами которой, вопреки первоначальному сопротивлению сталинского руководства Коминтерна, выступили французские коммунисты.

«Нэповская» линия оказалась для западного индустриального парламентарного капитализма спасительной. После второй мировой войны она возобладала почти во всех промышленных странах Запада и Востока. Во Франции, например, уже свыше сорока лет действуют государственный комиссариат по планированию, государственный комитет по ценообразованию, осуществляются свои «пятилетки» и даже в любом частном кафе вас у входа встретит меню с ука-

занием цен, и боже упаси хозяина обсчитать клиента. А в Лондоне полицейский может попросить вас показать сдачу за пачку сигарет, и опять же не поздоровится киоскеру, если он вас обсчитал.

С 20-Х ГОДОВ ОБЕ СИСТЕМЫ — СОЦИАЛИЗМ И КАПИТАЛИЗМ — КАК БЫ ПОШЛИ С РАЗНЫХ СТОРОН К ОДНОЙ ЦЕЛИ

Формально монополии внешней торговли в капиталистических странах нет, но любая крупная сделка за рубежом или внутри страны с иностранной фирмой санкционируется правительством. Если же предприниматели идут в обход, то их ждут весьма суровые кары.

Компартии многих развитых стран капитализма уже давно включили основной принцип нэпа — государственное регулирование рыночных отношений — в свои программные документы, приняли ленинскую концепцию «революционного реформизма», в которой важную роль должна играть налоговая система государства.

Уместно здесь вновь сослаться на выступление А. Н. Яковлева на Пермском партийном активе в декабре 1988 г. «Государство, — говорил он, — рационально торговать не может по той причине, что оно всегда живет за счет общества. Государство может вместе с тем стать цивилизованным прокурором торговли, регулировщиком финансовых потоков, контролером оплаты по труду. Само же государство оплату по труду вести не может, это чистой воды утопия. Сделать это сможет только развитый социалистический рынок».

Возвращаясь к историческим урокам нэпа, хочу еще раз подчеркнуть свой вывод: с 20-х годов обе системы — социализм и капитализм — как бы пошли с разных сторон к одной цели. Только в Западной Европе и США от «классического» капитализма XIX века — к разным формам «социализации» в виде вмешательства государства в социально-экономические отношения, а в СССР — от классического марксизма к «капитализации» в виде использования в хозяйственной жизни частного капитала, отечественного и иностранного.

И та, и другая системы начали создавать после первой мировой войны и Октябрьской революции то, что позднее получит название «смешанной экономики». Но Запад продолжил этот путь, а у нас в 1929 — 1933 гг. он был насильственно прерван Сталиным, опиравшимся на партаппарат и рядовых партийцев типа Макара Нагульнова.

Уроки нэпа интересны не только для историков советской экономики, их очень важно понять и нам, участникам перестройки. Создатели командно-административной системы с 1929 г. стремились закамуфлировать самое главное: ленинизм в успешном строительстве нового общества начинается с нэпа, ибо нэп — никакое не теоретическое и практическое отступление, вызванное чрезвычайными обстоятельствами гражданской войны и иностранной интервенции, а творческое развитие марксизма на новом историческом витке эволюции человечества. Основное отличие ленинской модели движения к социализму через нэп от ортодоксальной марксовой концепции заключалось в том, что Ленин на практике увидел главное: сами по себе формы собственности (частная или государственная), рынок, деньги (как и формы власти — парламентаризм или Советы) еще не создают ни капитализма, ни социализма; они суть инструменты («машина»), и главное здесь — кто (буржуа или пролетарий) сидит у руля этой «машины». Это и определило основной принцип нэпа — регулирование социально-экономических товарно-денежных отношений на основе экономического плюрализма (многоукладности).

Именно к этой «коренной перемене всей точки зрения нашей на социализм», то есть к «смешанной экономике» (но в СССР — при политической диктатуре пролетариата, а на Западе — буржуазии), в конце своей жизни настойчиво призывал В. И. Ленин, предостерегая: «Если мы не сумеем... подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков» (т. 45, с. 336).

Неужели за прошедшие 70 лет мы так и не поумнели?

***ОТ РЕДАКЦИИ.** Предлагаем статью В. Г. Сироткина обсудить читателям журнала «Диалог» и высказать свое мнение по спорным проблемам, затронутым автором.*